

"Дом-гигант"

История создания

С интересом читаю публикации об архитектуре Новокузнецка, особенно если нахожу в них что-то новое. Однако история, рассказанная в статье В. Паничкина "Дом-коммуна" (Кузнецкий рабочий № 132 от 10 ноября 2012 года) в рубрике "Тайны архитектуры Новокузнецка" огорчила меня историческими неточностями и необоснованными упреками в адрес известного архитектора. В связи с этим хочу высказать своё мнение по этому поводу.

Многоэтажный многоквартирный жилой дом № 25 на улице Кирова, о котором шла речь в газетной публикации, назван автором статьи домом-коммуной. Позволю себе утверждать, что это абсолютно не соответствует истории жилого дома и истории архитектуры нашего города.

Домом-коммуной он быть не мог уже по той причине, что к началу его проектирования (середина 1930-х годов) идея дома-коммуны как дома нового (читай: социалистического) быта была на государственном уровне признана неприемлемой и исключена из градостроительной практики.

Родившись в 1920-х годах в ходе проектирования новых "социалистических" городов, популярны идеи обобществления и "коммунизации" всех сторон жизни захватили многих "переустройщиков мира". Архитекторам эти идеи были интересны тем, что давали возможность создавать новые типы зданий (в том числе дома-коммуны) и планировочных структур городов. Но, как оказалось, к этому не были готовы ни трудящиеся, как потенциальные потребители этого жилья, ни государство, как организатор новой жизни. И к началу 1930-х годов короткая эпоха домов-коммун закончилась.

Примечательный в архитектуре города жилой дом № 25 на улице Кирова известен старожилам, архитекторам и историкам как "дом-гигант". Такое яркое образное название жилой дом получил за большую протяжённость и высоту в шесть этажей. На фоне окружающей 3-этажной застройки он действительно производил такое впечатление и был в известном смысле символом будущей жизни.

История строительства этого жилого дома связана с началом нового этапа в застройке города. Его строительству предшествовало строительство жилых домов № 3 и № 7 на улице Кирова.

В проектах этих домов буквально отразились менявшиеся тенденции в советском градостроительстве, отход от конструктивизма и функционализма и формирование новой, во многом эклектичной, но более содержательной и понятной для обывателя архитектуры. В композиции этих домов ещё можно найти остатки конструктивистского формообразования: контрастирующие горизонтальные и вертикальные объёмы и характерные детали - вытянутые балконы, но новые художественные и стилевые принципы уже преобладают.

Объёмно-пространственные, архитектурные и конструктивные решения всех трёх домов очень похожи, и это неудивительно, так как все проекты выполнялись московским трестом "Горстройпроект" наркомата тяжёлой промышленности и, вероятно, одним авторским коллективом. К сожалению, более подробной информации об их авторах нет.

Дома выделяются из окружающей застройки своими размерами и архитектурой. Дом-гигант, построенный последним, получился самым солидным и не только по своим параметрам. Жилой дом с традиционными квартирами и учреждениями обслуживания на первом этаже, с ваннами и горячей водой, с телефоном в каждой квартире строился Кузнецкстроем для расселения уважаемых людей - руководителей и передовиков производства, специалистов и творческих работников города.

По архитектурно-планировочному решению, качеству архитектурных деталей и отделке жилого дома можно предположить, что его проект был выполнен архитектором высокой квалификации. Уверен, так оно и есть. Но кто этот мастер?

Новокузнецкие архитекторы и историки приписывают этот проект известному советскому архитектору И.А. Голосову. И в это охотно верится, поскольку время строительства жилого дома совпадает с периодом активного творчества мастера, а архитектура легко монтируется в его почерк и творческое наследие. Употребляю слово "приписывают" потому, что, кроме утверждения этого факта, не приводится никаких обоснований, ссылок или предположений.

Впервые имя И.А. Голосова как автора жилого дома № 7 на улице Кирова упоминается в книге "Сталинск", написанной архитекторами Б.Е. Светличным и Н.К. Габелко и выпущенной в свет в 1954 году. Все последующие публикации только повторяют эту информацию, распространив её и на жилой дом № 25 на улице Кирова, опять же без указания источников информации, обоснования и комментариев.

Много лет в этом утверждении никто не сомневался и его достоверность не проверял, пока в 1988 году в "Стройиздате" не вышла в свет книга С.О. Хан-Магомедова "Илья Голосов". В ней подробно на основе архивных материалов рассмотрено творческое наследие архитектора Голосова, охватывающее все периоды и сферы его деятельности на протяжении всей жизни - от ученических работ до теоретических сочинений мастера. В монографии рассмотрены проекты и постройки, разработанные и осуществлённые им в Москве, Ростове-на-Дону, Иваново-Вознесенске, Свердловске, Элисте, Алма-Ате, Хабаровске...

Но в нём нет ни слова, ни намёка на его работу в городе Сталинске. Трудно даже предположить, что С.О. Хан-Магомедов мог эту работу не указать в творческом наследии архитектора. Нет также оснований думать, что Голосов мог по каким-то причинам этим объектом пренебречь. Выходит, что Голосов не является автором проекта рассматриваемого нами жилого дома? Досадно, но эта версия более убедительна, поскольку имеет объяснение и доказательство.

Так что авторство И.А. Голосова до сих пор остаётся без документального под-

тверждения и может быть интересным предметом для нового исследования.

Упомянув в своей статье имя И.А. Голосова, как предполагаемого автора проекта дома-гиганта, В. Паничкин исказил факты его жизни настолько, что мне подумалось - может быть, речь идёт о другом архитекторе?

Но нет, в Москве с такой фамилией работали только два архитектора - братья Голосовы. Наиболее известным из них был Илья Александрович Голосов. И был он не "...почти...", а самый настоящий столичный архитектор, коренной москвич, учившийся и всю жизнь живший в Москве. В связи с этим горизонты его знаний архитектуры конструктивизма не связаны с городом Новосибирском. Более того: он сам является одним из крупнейших и ярчайших классиков конструктивизма.

Построенные в Москве по его проектам здания клуба имени Зуева на Лесной улице (1927 - 1929 годы) и жилого дома на Яузском бульваре (1933 - 1935 годы), являются ярчайшими памятниками российской, да и мировой архитектуры.

Будучи давнишним поклонником творчества Ильи Голосова, меня особенно огорчили небрежные интонации автора статьи в высказываниях, касающихся творчества признанного мастера. Рассказывая об архитектурных элементах жилого дома, предположительно построенного по его проекту, вряд ли уместно было отзываться о них, как об "образчиках". Мастера оставляют нам в наследство образцы!

И уж совсем некорректно суждение автора статьи о том, что "...в погоне за внешним эффектом архитектор Голосов мало позаботился о самой конструкции дома: когда в городе уже стали почти нормой фундаменты и перекрытия из железобетона, он применил бутовый фундамент и деревянные перекрытия".

На каком основании это утверждается? Откуда известно, что автор проекта гнался за внешним эффектом? Если это собственное мнение автора публикации, на что он, конечно же, имеет право, то его так и нужно подавать читателю. Но, в таком случае, какое оно имеет отношение к тайнам архитектуры?

Какие есть факты, позволяющие делать предположения о том, что архитектор мало позаботился о конструкциях? Разве жилой дом разрушается или не отвечает нормативным нагрузкам и функциональному использованию? 75 лет его эксплуатации этого не выявили.

К сожалению, в середине 1930-х годов железобетонные конструкции ещё не во всех видах строительства стали нормой, как утверждает В. Паничкин, и не за архитектором было последнее слово при принятии решений о конструкциях проектируемых им зданий. В эти годы именно бутовые фундаменты и деревянные перекрытия всё ещё оставались самыми распространёнными конструкциями в жилищном строительстве Кузнецкстроя.

Разве сам дом не свидетельствует об этом? Ведь он - реальная практика тех лет.

Виктор Магель, архитектор.

